

..... ИОСИФ
КОБЗОН
МГНОВЕНИЯ...

Современная биография. Подарочное издание

Коллектив авторов

Иосиф Кобзон. Мгновения...

«Издательство АСТ»

2023

УДК 784.071.2(470)
ББК 85.364.1(2)6-8

Коллектив авторов

Иосиф Кобзон. Мгновения... / Коллектив авторов —
«Издательство АСТ», 2023 — (Современная биография.
Подарочное издание)

ISBN 978-5-17-118375-2

Иосиф Кобзон – как много заключено в этом имени. Он был удивительным человеком, политическим деятелем, артистом, но главное – человеком с большой буквы. Для него не было чужих бед, каждая была своя. Всего себя он отдавал людям вокруг, всегда находя время для каждого. Эта книга для тех, кто знал Кобзона лично, для тех, кто хотел бы уже сегодня, запоздало, узнать его получше, и для тех, кто слушал и до сих пор слушает его песни. Внутри собраны воспоминания многих людей, кто знал Иосифа Давыдовича лично. Это известные художники, музыканты, актеры, политики, космонавты, ученые, врачи и самые преданные поклонники. Они расскажут много интересных историй, раскроют закулисные, и не только, секреты и добавят новые штрихи к портрету легендарного певца с мировой славой. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 784.071.2(470)

ББК 85.364.1(2)6-8

ISBN 978-5-17-118375-2

© Коллектив авторов, 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Семья	6
Нелли Кобзон	7
Путники в ночи	7
Мы все очень долго ждали рождения сына!	10
Гелена Кандель	14
Андрей Кобзон	19
Наталья Рапопорт-Кобзон	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иосиф Кобзон. Мгновения...

© И.Д. Кобзон (Наследники), 2023

© Коллектив авторов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Семья

Нелли Кобзон жена

Путники в ночи

*Нас не разлучит ничто на свете,
Потому что мы сильнее смерти.*

Я нашёл тебя, нашёл в ночи тебя.

Все становится музыкой. Любовь становится музыкой, смерть становится музыкой – все исчезает, только музыка остается.

Я вспоминаю, как будто слушаю старую пластинку. Было ли все именно так или уже перемешалось в моих воспоминаниях и снах... Иосиф, ты часто снишься мне. Ты стоишь с огромным букетом розовых гвоздик и звонишь в дверь с табличкой «Квартира образцового содержания». Это квартира на улице Рубинштейна, где я живу с мамой и младшим братом.

Или другой звонок – уже не в дверь, а по телефону. Я хватаю трубку: «Да... добрый вечер! Мне сейчас неудобно говорить... я смотрю «Кабачок „13 стульев“»... Сочи? Какие Сочи, вы что, в качестве кого я с вами туда поеду?... В качестве невесты?!» Моя мама, Полина, подбегает, машет руками, шепотом кричит: «Неля, соглашайся!» – и выхватывает у меня трубку...

И вот я уже с мамой, с тобой и музыкантами сижу в ресторане «Кавказский аул» в Сочи. Все пьют и едят, смеются, поднимают тосты за московских друзей. Я натянуто улыбаюсь. Мне очень неловко и хочется провалиться куда-нибудь. «Очень вкусно. А что это за мясо?» – спрашиваешь ты у официанта. «А-а-а, это наше фирменное блюдо! Жареные бараньи яйца!» – отвечают тебе.

Я ужасно стесняюсь. Еще несколько секунд я сижу за столом, потом, как можно более деликатно, встаю и иду к выходу.

Меня догоняет мама:

– Неля, ты куда убежала? Тебе тут не нравится?

– Мам, я пойду в гостиницу. Я не знаю этих людей, я не понимаю этих шуток, я хочу домой!

– А вы, как я понимаю, гости Иосифа?! – сказал непонятно откуда вдруг возникший рядом с нами мужчина.

Я даже рот раскрыла от удивления. Рядом с нами стоял Владимир Высоцкий! А с ним – невозможно красивая женщина, похожая на иностранку.

– Володя. – Он протянул руку. – А это Марина, моя жена, познакомьтесь.

– А вы актриса, да? – я смотрю на Марину Влади во все глаза.

Марина улыбается и пожимает мне руку.

– Ну что, девушки, идемте доедать бараньи яйца? – говорит Высоцкий.

И мы все вместе возвращаемся в ресторан. Пока Высоцкий здоровается со всеми, Марина Влади подходит ко мне.

– И что же, нравится он тебе? – вдруг спрашивает Марина, кивнув на тебя. Она говорит с небольшим акцентом и полуулыбкой.

– Я не знаю. – Я и правда не знаю.

– Но знаешь, что самое главное? Ты – женщина, и только ты можешь открыть мужчине мир, который он не сможет увидеть без тебя. Кем бы мужчина ни был – артистом или простым инженером. Этот дар – он есть в каждой женщине.

– И во мне?..

Мы с мамой в гостинице, в нашем номере. Дождь барабанит по подоконнику. Вдруг – стук в дверь. За дверью стоишь ты. Промокший. С надувным матрасом в руках.

– Вы плавали на матрасе? – улыбаюсь я.

– Бегал в соседний корпус. Я свой номер отдал Володе с Мариной. Можно я у вас на балконе переночую? На матрасе.

Мы с мамой переглядываемся.

– А на балконе не мокро? – беспокоится мама.

– Не знаю, там вроде крыша. – Я иду проверять.

Пока мы с мамой стелем на балконе, дождь заканчивается.

Ты просишь разбудить тебя в 8, если мы с мамой проснемся раньше тебя. Завтра три концерта подряд.

Я просыпаюсь рано утром и встаю, чтобы посмотреть на часы. Время 7, но спать уже совсем не хочется. Аккуратно, чтоб не разбудить маму, я открываю балкон, выхожу и чуть не наступаю на тебя. Ты уже проснулся и медленно куришь, лёжа на спине.

– Я совсем забыла, что вы здесь! – тихо смеюсь я.

Ты тут же вскакиваешь, гасишь и выкидываешь сигарету. «Доброе утро!».

– Посмотрите, как красиво, – шепотом говорю я.

Над морем встает солнце. Мы долго смотрим на восход молча. Полная тишина, только вдалеке кричат чайки. Небо становится розово-оранжевым, редкие облака подсвечиваются золотом. Начинается новый день... и новая жизнь. Мы оба это чувствуем.

Вечером ты поёшь в концертном зале Сочи «Путники в ночи». В зале аншлаг. Но кажется, что мы здесь вдвоем, и ты поёшь только для меня, глядя мне в глаза.

После поездки в Сочи ты зовешь меня с собой на гастроли по Прибалтике. Я говорю тебе, что поеду, но только в качестве твоей жены. И ты делаешь мне предложение. Всё происходит так быстро! Уже теперь я понимаю, что когда судьба – всё происходит быстро. И вот мы едем в Москву знакомиться с мамой и сестрой. Я страшно волнуюсь. Они меня принимают очень доброжелательно, красиво, накрыли стол, расспрашивают про мою семью.

А потом мы идем в ресторан «Арбат», где нас уже ждут твои друзья: Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Ян Френкель, Марк Фрадкин, Оскар Фельцман, Муслим Магомаев, Владимир Чижик, Игорь Иванов... Борис Брунов с супругой Марией Васильевной, которая стала мне в Москве второй мамой. Она меня опекала, оберегала, учила. Но что было для молодой девочки оказаться в такой компании! Сидеть за столом с такими людьми, слушать их песни и байки!

Это было в сентябре, а уже 3 ноября мы сыграли свадьбу – в Ленинграде, в Европейской гостинице «Садко». На мне невероятное белое платье, которое шила одна из лучших модисток Ленинграда! Приехали все твои друзья. Было человек 100 – немыслимо много по тем временам! Я ушла помыть руки и привела с собой 40 итальянцев – они поймали меня с криками: «belissima!» – и все пришли на нашу свадьбу! Как было весело! Ты пел, все танцевали. А потом мы уехали в Москву – уже на свадьбу твоей сестры Гелы. На свадьбы ты потратил все деньги, тебе пришлось сразу занимать и отрабатывать!

И вот мы едем в Прибалтику на гастроли. Таллин, Рига, Вильнюс, Каунас. Когда мы выходим из поезда в Таллине, нас встречают с цветами, и администратор говорит: «Иосиф Давыдович, у нас каждый вечер будет концерт, а днем у нас свободная программа. Мы вам хотим показать наши красоты». Я спрашиваю: «Как это каждый вечер будет концерт, а как же наш медовый месяц? Нет, каждый вечер по концерту мы работать отказываемся!» А ты говоришь: «Работаем по два!» Это был хороший урок для меня на всю жизнь. Ты сам все решишь. А я просто буду рядом – и мы справимся с чем угодно.

Мы были всегда вместе. Сначала меня оформили как машиниста сцены. Потом я стала твоим костюмером, потом вела концерты. Мы ездили по всей стране. Каждый день новый город. Банкеты, аншлаги. Зрители рукоплескали. Море цветов. Я всегда старалась тебя поддержать, вкусно накормить. Помню, едем на очередные гастроли. Мы с тобой и с музыкантами в аэропорту. Ты пытаешься взять у меня авоську, которую я тащу. В какой-то момент авоська не выдерживает этой борьбы, из нее высыпаются ингредиенты борща. Я смотрю на рассыпавшиеся по полу свеклу, картошку...

На твои большие сольные концерты всегда приходили твои близкие друзья, среди которых всегда были космонавты: Валентина Терешкова, Герман Титов, Алексей Леонов, Николай Рукавишников, Виталий Севастьянов – весь первый состав. Наши самые знаковые спортсмены, художники, композиторы, врачи... Для меня было огромным счастьем окунуться в эту атмо-

сферу. Иногда ты выступал в одной концертной программе с Лидией Руслановой, с Леонидом Утесовым. Общаться с такими людьми – это все было каким-то волшебством! Все эти люди были твоими близкими друзьями. Большая дружба связывала тебя и с бывшим мэром Москвы Юрием Лужковым. После концертов вы собирались за столом, пели песни. Наш дом всегда был полон друзей. Мы жили рядом с Москонцертом, от которого была «протоптана дорожка» к нашему столу!

Ты никогда не садился завтракать один. С самого утра кто-то приходил, звонил, приносил письма. Все просили что-то. Помочь купить квартиру, машину, посоветовать врача. И ты никогда никому не отказывал. Тебе было хорошо, когда ты мог кому-то помочь. У тебя было два детских дома, которые ты опекал много лет. Я за всю жизнь никогда не видела, чтобы ты кому-то отказал в помощи. Ты всегда жил с ощущением, что должен всем помочь. Я спрашивала: «Почему ты?». А ты отвечал: «Если не я, то кто?».

Я слышу, как в кабинете ты звонишь в звонок. И твой голос: «Неееля!». Я бегу к тебе: «Иосиф, я тебе повесила на утро вот этот костюм, а на концерт два варианта». Ты оглядываешься. На шкафу висят на вешалках аккуратно отглаженные вещи. «Еда у тебя с собой в контейнере, постарайся успеть пообедать перед выступлением. Не забудь, что у тебя сегодня... (встреча с тем-то и тем-то, день рождения у того-то, просили помочь с жилплощадью, достать лекарства, надо позвонить тому-то)».

Я помню все: где какая выставка, кто и где выступал вчера с новой песней, какая премьера в каком театре, какую книгу сейчас обсуждает вся Москва. Ты киваешь и иногда что-то отмечаешь в блокноте. Я выхожу из твоего кабинета. Только ушла – и опять слышу звонок: «Неееля!»

Мы все очень долго ждали рождения сына!

В детстве ты прожил всю эвакуацию в Узбекистане. И каждый год ездил туда на гастроли. Тебя все время тянуло туда. Мы были там, когда я узнала, что беременна. Ты тут же отправил меня в Ленинград к маме.

Когда родился наш сын, ты был самым счастливым человеком на свете! Имя придумал ты. Так и написал в телеграмме: «С рождением Андрея!». Я ходила по улице, и мне казалось, что все прохожие, все люди на свете знают, что у нас родился мальчик – и все радуются вместе с нами! А как радовались наши родные! Вся семья: наши мамы, братья, твоя сестра Гела! А потом у нас родилась дочь Наташа. Красавица с огромными голубыми глазами. Маленькая Орнелла Мути. Так ты ее ласково называл.

Когда появились Андрюша и Наташа, мы каждое лето вместе ездили на юг. Мы катались на катере, ловили рыбу, гуляли в парках. И ходили на все твои концерты. Мы всегда были вместе. Это было самое счастливое время.

А как ты хотел стать дедушкой! Как ты ждал появления внуков! Первая родилась Наташина дочка, потом Андрюшина дочка – и каждый год кто-то рождался! Пять девочек и два мальчика. Ты был совершенно счастлив. Ходил с ними на детские елки. Покупал петушков. В цирк. Ты всегда считал себя цирковым артистом. А еще ты приглашал внуков петь с тобой. Для них петь с дедушкой было настоящим приключением и самым большим счастьем!

Дни рождения, детские праздники, Новый год – это было святое: собраться с родными, петь песни, играть. Быть всем вместе!

Но перенесемся в воспоминаниях опять назад.

Баковка, 1986.

– Иосиф, ты уже столько раз там был, балерины ездят, певицы ездят, а я чем хуже?!

– Неля, там война настоящая, мы под обстрелом поем, о чем ты говоришь?! Ты что, не понимаешь?

– Понимаю. Поэтому и хочу поехать с тобой в Афганистан.

Афганистан, 1986. Ты поешь для бойцов. Во время концерта я слышу залпы. Ты поешь громче, чем грохот выстрелов, и твой голос отвлекает уставших бойцов от бесконечной стрельбы. Рядом со мной стоит Руслан Аушев. Наклонившись ко мне, он говорит: «Залпы в честь юбилея вашей свадьбы с Иосифом». Я не понимаю, шутит он или нет, на всякий случай улыбаюсь и говорю: «Спасибо за такое оригинальное поздравление».

Однажды Виктор Петрович Елисеев, главный дирижер ансамбля МВД, пригласил тебя на гастроли в Италию! И сам Папа Римский назначил вам аудиенцию! И вот мы в Ватикане! Необыкновенная красота! Входит Папа Римский. И предлагает Иосифу спеть «Аве Мария». Так торжественно и так красиво! На следующий день мы идем по Риму и тебя узнают люди. Как национального героя! Через день мы улетаем, а у тебя просрочен паспорт. Тебя останавливают на таможне, а один таможенник тебя узнает и тут же пропускает!

Столько прекрасных моментов было в моей жизни благодаря тебе! Были и тяжелые времена. Но мы тоже прошли их вместе.

Баковка, 2002. «Ну уж не-е-ет! Я тебя не отдам!.. Будем лечиться!» – я твердо настраивала тебя на благополучный исход, когда узнала диагноз. Я тогда выглядела решительно. Совсем по-другому я выглядела, когда через несколько минут, закрывшись в своей комнате, чтобы ты не слышал, я звонила твоей сестре, рыдала и кричала в трубку, что моя жизнь кончилась. Тут уже Гелена взялась за дело: «Это еще не приговор, он будет жить» – уверенно сказала твоя сестра.

Мы с Гелой около твоей палаты. Гела ругается с врачом.

Тут я не выдерживаю:

– Разрешите нам пригласить своих врачей на консилиум!

– Это нецелесообразно, у нас компетентные лечащие врачи.

Когда врач уходит, Гелена садится рядом со мной и говорит:

– Кто-то хочет, чтобы он отсюда не вышел.

Мы с Гелей звоним Грозову, губернатору Московской области.

– Боря, скажи лечащему врачу, чтобы он разрешил консилиум, или я не знаю, что с ним сделаю! – кричит Гела.

Я звоню в офис. Варя, Лена и Таня обзванивают лучших врачей страны.

Консилиум. Я выбегаю в коридор, где стоит Гела.

– Почему ты не заходишь?

– Меня не пускают! – В бешенстве Гела рассказывает туда-сюда по коридору. – Иди, Неля, потом расскажешь мне все слово в слово.

Я возвращаюсь на консилиум. Там лучшие врачи во главе с Леонидом Рошалем, друзья, Андрей, Варя, Лена и Таня. Я говорю, что лечащий врач предлагает посадить тебя на ИВЛ, но из-за этого могут повредиться голосовые связки.

– Я не дам сделать из Иосифа растение! Иосиф будет здоров и будет петь! – я почти кричу, по моим щекам текут слезы, но голос у меня не дрожит.

Леонид Рошаль говорит:

– Я посажу с ним своего реаниматолога. Если он переживет эту ночь, то останется жить. И можно будет решать вопрос о переводе в другую клинику.

Ночь. Ты в реанимационной палате. Я, Гела и Рошаль – в обычной. Я уже не могу рыдать. У меня не осталось слез. Леонид Рошаль уговаривает меня принять успокоительные. Я сопротивляюсь.

– Ты не спала неделю. А ты подумала о том, что потом Иосиф увидит тебя в таком состоянии? – настаивает Рошаль.

Я соглашаюсь выпить успокоительное. Когда Леонид Рошаль выходит из палаты, мы с Гелой начинаем молиться. Это продолжается довольно долго. В палате темно. Вдруг в палату

медленно открывается дверь. И входит твоя мама Ида Исаевна. Она садится на кровать рядом со мной и говорит мне: «Перестань плакать. Я еще не скоро с ним встречусь». И тут я просыпаюсь. Меня будит Гела. 5 утра. Мы снимаем туфли и идем на цыпочках по коридору к реанимации. Рошаль выходит из палаты и говорит: «Живой».

Другая клиника. Условия явно намного лучше. Я в палате с тобой. Стою у окна и молюсь. Вдруг я что-то слышу. Поворачиваюсь. Ты сквозь сон поешь. Что-то непонятное. Прислушиваюсь – ты поешь на грузинском.

Когда я сажусь рядом с тобой и беру тебя за руку, ты открываешь глаза:

– Неля, я смогу петь? – Это первое, что ты спрашиваешь.

– Конечно сможешь, ты уже поешь. – Я еле сдерживаю слезы.

– А Катя родила? – спрашиваешь ты.

– Сегодня. Родила нам внучку. Аниту, – говорю я и наконец плачу, улыбаясь сквозь слезы.

Ты потихоньку идешь на поправку. Мы с Гелой наперебой пытаемся тебя накормить: «Ну, давай борщечку по маминому рецепту. Или половиночку котлетки. Прямо маленький кусочек, пожалуйста» – причитаем мы.

– Идите вы со своими котлетами! – вдруг вспыхиваешь ты.

А мы радуемся: смотри-ка, выздоравливает!

Когда мы выходим из палаты, ты просишь нас приготовить мамины вареники с вишнями.

2005. Концерт в честь 8 марта. Ведущие объявляют твой выход. Я стою за сценой вместе с тобой. Я помогаю тебе подойти к кулисам – дальше ты, еще нетвердым шагом, идешь сам.

В зале аншлаг. Зрители встречают тебя стоя громкими аплодисментами.

Ты поешь. И, пока поешь, выпрямляешься, стоишь тверже и даже как будто становишься выше.

«Нас не разлучит ничто на свете,

Потому что мы сильнее смерти.

Я нашел тебя, нашел в ночи тебя...»

Ты поворачиваешься к кулисам и смотришь на меня.

Ты всегда смотришь на меня. Даже сейчас. Когда тебя уже нет. Ты продолжаешь смотреть на меня. Каждую секунду.

Иосиф, я благодарю тебя за нашу долгую, счастливую совместную жизнь, в которой было и до сих пор остается так много всего: радости и печали, забот и горестей, любви и взаимопонимания. Спасибо тебе за наших детей Андрея и Наташу, за мою маму, к которой ты всю жизнь так трепетно и нежно относился, за наших общих друзей и родных, за наших замечательных внуков.

Когда-то ты спросил меня, готова ли я разделить с тобой твою жизнь. Я согласилась. Это было абсолютно осознанно. Я понимала, что служить тебе – это большая честь. Не прислуживать, а служить! Я это делала всегда с огромной любовью. Безусловно, это была судьба. Я помню, как увидела тебя впервые... В гостях у Радовых была большая компания. Красивый дом, красивая хозяйка, множество гостей. Я зашла в комнату, где был погашен свет и все смотрели телевизор. Вдруг мужчина, которого я не рассмотрела в темноте, поднялся и уступил мне место. Я села. Когда закончился фильм, включили свет, я посмотрела на уступившего мне место человека. Так я первый раз увидела тебя. Ты был совсем не похож на свой экранный образ. Ты был высокий, красивый, стильно одетый, с мужской харизмой.

Я вышла за тебя замуж, когда мне было двадцать лет. Ты меня многому научил, воспитал, организовал, что-то я постигала вопреки тебе, что-то назло, что-то во имя тебя. Мы были совершенно разные люди. Но ты всегда вел себя со мной на равных. Я тебе за это очень благодарна. Мне никогда не бывало с тобой скучно: чувства гнева, страсти, радости, подавленности, огорчения сменялись с невероятной скоростью и в непредсказуемом порядке. Все твои эмоции

я видела на твоём лице. Ты негодовал, радовался, злился. Ты всегда был человеком не слов, а дела.

В свои последние годы ты стал таким потрясающим отцом, мужем, дедушкой!.. Ты всегда был таким, но у тебя не было времени и повода это показать. И наконец ты растворился в семье.

Таких людей, как ты, я никогда не встречала. Все мужчины в моих глазах тебе уступали во всем. Счастье для меня в том, что я смогла всю жизнь прожить с человеком, которого я очень люблю. Мы пережили разные периоды – и счастливые, и невероятно тяжелые.

Прожив с тобой столько лет, я понимаю, что тебя нельзя измерять человеческими рамками. Ты – сверхчеловек, обладающий особым качеством, данным тебе Богом, – космической энергией. Ты прожил десять жизней за одну. При твоей сумасшедшей занятости успевал уделять детям достаточно много внимания, проводил с ними все свободное время, иногда даже брал на гастроли. Ты был по-настоящему семейным человеком, семья для которого – святое. Это у тебя в крови. С поразительной душевной силой, честностью, трудолюбием и полнейшей самоотдачей ты относился ко всему. Я счастлива, что моя жизнь оказалась связана с жизнью такого великого человека, как ты.

Я тебя любила, люблю и сейчас. И буду любить всегда!

Твоя Неля

Гелена Кандель
сестра Иосифа Кобзона

*Память, память, ты же можешь, ты должна
На мгновенье эти стрелки повернуть.
Я хочу не просто вспомнить имена —
Я хочу моим родным в глаза взглянуть.*

Память уводит в далекие времена, когда вся семья собиралась за большим столом. Я счастливая: у меня пять братьев. Старшие братья – это так здорово! Учат заводить патефон, ставить пластинки... Когда собирались гости, все пели. Папа пел «Землянку», которая напоминала ему военное время, страшный Сталинград. Иосенька пел песни по заказу папы и гостей. Я не отставала, взбиралась на табурет и тоже выступала. Как давно это было...

Чтобы я ни вспоминала, все возвращается к младшему из братьев. Иосенька водил меня в детский сад, защищал от мальчишек из нашего двора, исправлял оценки в дневнике, чтобы не ругала мама.

Когда мне был поставлен сложный диагноз и рекомендована срочная операция, Иосиф сделал все, чтобы операцию провел в Москве лучший врач. Именно мой братик подписывал согласие на операцию: мне было 12 лет. После загородного концерта поздно вечером приехал в клинику, которая к этому времени уже была закрыта, чтобы увидеть меня перед операцией. Он первый вошел и в послеоперационную палату – реанимаций не было в 1960-х годах – с букетом пионов и ананасом. Жил он в это время в общежитии, попросил разрешения, чтобы и маме позволили там жить. Денег было очень мало, но он купил цветы и ананас, чтобы я, проснувшись после наркоза, увидела этот прекрасный букет. Так он спас мне жизнь. Операция была сложная, по новой методике.

Но и это еще не все. Я очень хотела играть на фортепиано, но меня не принимали в музыкальную школу, потому что мне было 12 лет. Но я два года занималась с педагогом и делала успехи. Тогда Иосиф привел меня в школу имени Гнесиных. Педагоги решили, что я поступаю в училище. Когда же Иосиф сказал, что я только два года занимаюсь, они вручили письмо в ЦМШ г. Днепропетровска с просьбой принять меня в школу – так я попала в ЦМШ сразу в пятый класс. Таким образом была исполнена и моя мечта, и начертана линия моей дальнейшей жизни.

Но вернемся в 1958 год. Иосиф пришел из армии. Он твердо решил учиться петь. Ему посоветовали вместе с выпускниками музыкального училища поехать в Москву. Мама поддержала его, Немочка (брат Эммануил. – *Ред.*) сказал маме, что будет помогать. Но мама понимала, что этого недостаточно. Иосиф успешно сдал экзамены сразу в несколько вузов, но все-таки решил учиться в Гнесинке. Когда увидел свою фамилию в списке зачисленных, дал телеграмму маме. Боже, какое это было событие! Иосиф будет учиться в Москве! Ему предоставили общежитие, в комнате было семь человек. Но ничего не смущало: ни расстояние между общежитием и институтом, ни материальные трудности.

Студентов сразу послали в колхоз собирать картошку, его избрали бригадиром. В его бригаде был Адик Тухманов. Позже Иосиф скажет: «Знал бы я, каким композитором станет Тухманов, сам бы за него картошку собирал». И вот начинается его лидерство. Они – лучшая бригада. В общежитие привезли по мешку картошки, хранили под кроватью. Эта картошка потом спасала всех от недоедания: варили, жарили... Потом его избрали старостой группы, он распространял билеты в театры и концертные залы. Это была потрясающая школа для студентов: слушать великих певцов, смотреть спектакли с выдающимися артистами. В это время звучали Огнивцев, Козловский, Атлантов, Анджапаридзе, М. Максакова, Архипова, Лисициан и многие другие выдающиеся певцы.

Папа побывал в Москве, приехал в институт, пошли обедать в столовую. Папа заказал ему два обеда: понял, что сын голодный. «Сынок, как же ты так можешь жить?» – «Ничего, выдержу, главное, что я могу учиться!».

...Это был 1960-й год, июль, маму вызвала в институт зав. кафедрой по вокалу профессор Вербова Нина Александровна. Она объясняла маме, что они мечтали воспитать оперного певца, а он «пошел на эстраду петь песенки». Но мама ничего не могла изменить: колесо Фортуны было запущено.

Какой же это был праздник, когда Иосиф первый раз выступил на телевизионном «Голубом огоньке»! Мама целовала телевизор.

У нас хранятся письма, где он подробно рассказывает, что купил пальто, рубашку, шапку, по какой цене. Шаг за шагом он добивался новых успехов. Трудился день и ночь. Начал подрабатывать в цирке, пел в прологе, получал по три рубля. Мог с однокурсниками пойти на Рижский вокзал разгружать вагоны, чтобы заработать деньги.

Так начинал Иосиф свой путь к славе. И при такой непростой материальной ситуации ухитрялся покупать подарки маме, папе и мне. Очень трогательная была посылка с теплыми ботиночками, а в них спрятаны конфеты – сюрприз.

Он никогда никому не завидовал, любил своих друзей и готов был делиться всем. Например, когда Лев Лещенко должен был ехать в Сопот на конкурс, никак не могли найти песню, Иосиф предложил ему песню, которую записал первый, – «За того парня» М. Фрадкина, Р. Рождественского. Не каждый певец готов на такие поступки.

На эстраде в 1970-е годы были замечательные баритоны: Ю. Гуляев, М. Магомаев, Ю. Богатиков, В. Вуячич. Иосиф был в прекрасных отношениях со всеми, но тесно дружил с Юрием Гуляевым. Как-то за кулисами у Гуляева спросили товарищи: «Кому из нас ты бы отдал свою песню?» (Юра еще был хорошим композитором), и он не задумываясь ответил: «Кобзону, конечно».

Иосиф с огромным уважением относился к артистам и композиторам старшего поколения: Л.О. Утесову, М.И. Блантеру, К.И. Шульженко, Л.А. Руслановой, В.А. Козину, И.Д. Юрьевой. Когда выпадал случай выступить в одном концерте с этими замечательными исполнителями, Иосиф стоял за кулисами – слушал, учился. Поздравлял с праздниками, привозил подарки, цветы.

Иосиф работал и дружил с выдающимися композиторами, поэтами. Среди них: М. Блантер, Н. Богословский, Я. Френкель, М. Фрадкин, О. Фельцман, Э. Колмановский, А. Пахмутова, М. Таривердиев. Если перечислять всех, получится энциклопедия советских композиторов. Поэты: Р. Гамзатов, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский, А. Дементьев, И. Гофф, К. Ваншенкин. Эти выдающиеся люди, каждый по-своему, влияли на Иосифа. Замечательная музыка, потрясающие стихи формировали вкус, культуру вокала.

Спустя годы слушаю концерты 1980-х. Высочайший профессионализм, блестящая вокальная школа! Умение из каждой песни сделать спектакль, прочитав стихотворение по-своему, делая правильные акценты. Слушаешь песню, три куплета, а проживаешь целую жизнь. Идеально слышен текст.

Иосиф спел больше трех тысяч песен, среди них – выдающиеся произведения: песни А. Островского «Время», «Песня остается с человеком», песни А.Н. Пахмутовой «Поклонимся великим тем годам», «Горячий снег», «Не расстанусь с комсомолом», М. Таривердиева – песни к кинофильму «Семнадцать мгновений весны», «Не исчезай», Я.А. Френкеля «Русское поле», «Журавли», М.Г. Фрадкина – «Песня о Днепре», «За того парня», «Довоенный вальс», песни Э. Колмановского и многие другие, которые перечислить невозможно, так их много. Мама была строгим критиком: не все песни ей нравились...

Итак, вернусь в 1969 год. Подошло время поступления в институт. Иосиф сомневался, нужно ли мне высшее образование. Ведь после музыкального училища я могла работать. И он повел меня к зав. кафедрой хорового дирижирования А.А. Юрлову. Юрлов сказал, что готов меня взять в свой класс. Это была наивысшая оценка моего показа. Так было принято решение о моей дальнейшей судьбе. Родители продали дом в Днепропетровске, и мы переехали в Москву. В маленькой двухкомнатной квартирке на проспекте Мира, 114а теперь жили родители, Иосиф и я. Но в 1970 году папы не стало. Иосиф очень тяжело пережил внезапную смерть отца.

После ухода папы Иосиф стал мне не только братом, но и отцом. Строго следил за моей учебой, молодыми людьми. Повел под венец. Забирал из роддома с дочкой Марьяшей. Нет в жизни события, где бы он не принял участия. Как же было спокойно за спиной брата: защита, опора надежная!

Мама мечтала, чтобы у Иосифа была семья, дети. Его первые браки радости не доставили. И вот свершилось! В 1971 году Иосиф женился на девушке из Ленинграда Нелли. Мама полюбила ее и относилась к ней как к дочери, а мне она стала сестрой. Мама оберегала этот союз. Помогала Нелли, чем могла. Неллечке было непросто: чужой город, Иосифу 33 года, состоявшийся человек, а Нелли 20 лет. Окружение Иосифа – довольно солидного возраста, ей с ними было скучно. Хотя интересно. Но со временем Нелли освоилась и подружилась с женами композиторов, поэтов.

Вскоре она подарила Иосифу сына Андрюшеньку, а спустя несколько лет – дочь Наташу. Как мама была счастлива! Нелли создала очень красивый дом, второго такого я не знаю. В доме всегда – вкусная еда, приятная обстановка... Быть женой такого человека – великий труд. Характер у моего любимого брата непростой, но Неллечка умела сгладить какие-то сложные жизненные ситуации, мирить его с друзьями. Потом начались свадьбы. Иосиф мечтал о внуках, и Господь дал ему пять внучек и двух внуков.

1982 год. Я случайно познакомилась с Эдуардом Канделем. Ничего о нем не знала и не хотела отвечать на его звонки. Мама рассказала Иосифу, что какой-то профессор звонит и приглашает в театр. Иосиф мне передал, что это очень интересный человек, Высоцкий посвятил ему песню, и он считает, что мне будет с ним интересно. Его слова разрешили ситуацию, и я пошла с Эдуардом Израилевичем в театр. Когда Эдик сделал мне предложение стать его женой, благословение опять-таки дал Иосиф и был свидетелем в загсе. Со стороны Эдика свидетелем был Федоров Святослав Николаевич.

Иосиф и Эдик подружились, я была счастлива. Но горе пришло в наш дом: Эдику поставили страшный диагноз – рак легкого. Мой дорогой, мой любимый брат был со мной. Не оставил меня наедине с моим горем. Это он выбрал место на кладбище на центральной аллее, чтобы мне не страшно было ходить одной к могиле. Мама завещала похоронить ее рядом с Эдиком. Мы исполнили ее просьбу. Потом и Иосиф решил: когда придет час, похоронить его рядом с мамой.

Когда не стало мамы в 1991 году, главой семьи стал Иосиф. Он опекал старших братьев, знал обо всех проблемах племянников, племянниц. Выдавал замуж, устраивал юбилеи, прилетал, где бы ни находился. Его интересовало все: здоровье, жилье, средства, всего ли достаточно, – и решал сам, как считал нужным поступить в том или ином случае. Я думаю, что его коллеги, слушатели не могли себе представить, какой он был в своей семье. Он знал все и обо всех. К каждому Новому году все получали подарки. У нас была традиция провожать старый год на даче в Баковке. Собиралась вся семья, приглашались Дед Мороз и Снегурочка. Иосиф водил хоровод со всей семьей, получал удовольствие. А потом мы все разъезжались по своим компаниям.

Но посреди этого счастья притаилась беда. Как пережила это Нелли, знаю только я. Она позвонила мне со словами: «Моя жизнь кончилась». Я тогда поняла, что такое слово «удар». Я ничего не могла ответить, потеряла дар речи. Но, когда домой пришел Иосиф, сообщил, что ему поставлен диагноз «рак», Нелли спокойно сказала: «Будем лечиться». Вот такое самообладание. Можно написать целую книгу о том, как эта хрупкая женщина вела себя в сложных ситуациях. Я думаю, что не врачи, а Нелли вела Иосифа к исцелению. Иосиф не хотел есть, вставать, ходить, а Нелли не отставала: «Вставай, тебе нужно ходить, тебе нужно есть». Считала, сколько ложек съел.

Никогда не забуду встречу Иосифа и Нелли в аэропорту Внуково-3, когда он прилетел из Германии. Он еле шел, его поддерживали с двух сторон. Но встречать пришел оркестр

«Время». Когда открылись стеклянные раздвижные двери, музыканты заиграли песню «Воспоминание о полковом оркестре». Иосиф остановился, выпрямил спину. И пошел сам. А Нелли шла за моей спиной, рыдала, она уже не думала, что они вернутся домой после стольких осложнений. Они победили, они выиграли 15 лет жизни, хотя врачи давали один месяц. Разве это не чудо? Эта победа далась тяжело, но никто, кроме Нелли, не знал, какова была ее цена.

...Писать о любимом, незабвенном брате легко и тяжело одновременно, потому что жизнь его была интересной, насыщенной. Ведь он принимал участие в музыкальных конкурсах, в том числе международных, с 1960-х годов. Там он встретил замечательных друзей, среди которых Джордже Марьянович, Янош Коош, Лили Иванова, Карел Готт. Он побывал в горячих точках, поддерживая наших солдат. Эти поездки, какими бы опасными ни были, подарили ему настоящих друзей, с которыми он шел по жизни.

Он завоевал непререкаемый авторитет. Был избран депутатом Верховного Совета СССР, стал депутатом Государственной Думы России. Успевал все, чтобы помочь людям.

Мама была бы счастлива видеть своего сына, который пользовался таким авторитетом, добился успеха в творчестве, стал народным артистом СССР, почетным гражданином многих городов, в том числе и Москвы, в которую приехал когда-то в солдатской форме.

Я горжусь, что мой брат спас многих людей, попавших в сложные жизненные ситуации, добивался справедливости, помогал материально. Особое место в его биографии занимает участие в переговорах с террористами на Дубровке. Он смог уговорить бандитов отпустить детей, беременную женщину и иностранцев. Ходить к смертникам несколько раз, рискуя жизнью, — это подвиг.

О чем я еще не сказала? Я не сказала ему спасибо за жизнь, которая шла по пути, начертанному им, за счастье быть его сестрой, за любовь, которую я ощущала всегда и везде, за то, что я была его Гелуней.

Сколько мне отпущено Богом, я буду молиться за тебя, мой дорогой, мой любимый брат.

Андрей Кобзон

сын

Многие годы не переставал удивляться энергии отца. Однажды я попробовал пожить одну неделю в его режиме, решил за ним поездить. Результат – я слег. Это невозможно! В таком графике не живут никакие президенты стран, что уж там говорить про остальных.

На таких, как он, держатся моральные устои и нравственность. Поэтому любые нападки на него считаю не то что обидными, а вне всякого закона. Желаю каждому дожить до его лет и сохранить такую же детскую непосредственность, юмор, но при этом стать хотя бы наполовину

таким же мудрым и правильным. Он был очень добрый, иногда даже слишком. Не хочу и не представляю жизни без папы...

Он прожил десять жизней за одну. Она у него была настолько насыщенная, он получил так много разных впечатлений, сколько не получит ни один человек и за несколько жизней. Поэтому опыт у него, можно сказать, лет на триста.

...Помню один случай. Дело было летом 1992 года в Москве. Я тогда как раз вернулся из Америки, где учился в музыкальном институте, на который, кстати, сам заработал. До этого я восемь месяцев гастролировал по США с московским цирком, где работал барабанщиком в оркестре. Это был первый бизнес моего отца: концертно-зрелищная дирекция «Москва».

Я тогда еще не понял, что же стало с моим папой. То он мне все запрещал и был невероятно строгим, иногда даже чересчур. А тут вдруг отправил меня в 16 лет одного со взрослыми мужиками (его музыкантами) в Америку жить взрослой жизнью! Спустя много лет я узнал, что, оказывается, его пугали, что меня украдут. Пугаться у него очень плохо получалось, и он отправил меня от греха подальше.

По возвращении я еще какое-то время жил вместе с родителями. Тем более что они очень часто тогда уезжали из Москвы, и я был совсем один в большой квартире. Мама тогда где-то отдыхала с моей сестрой, папа уехал на гастроли и должен был приехать через два дня. А я на следующий день пошел к дантисту удалять зуб. Меня никак не брал наркоз, и врач поставил лошадиную дозу, после чего я не чувствовал не то что зубов, даже затылок был обезболен. Вечером друзья мне посоветовали снять последствия от лечения зуба коньяком. А я не пил тогда почти совсем. После алкогольного «лечения» я пошел спать, предварительно заткнув уши берушами.

Ах, как же хорошо спалось в 18 лет... И снится мне, что со мной в комнате много людей, и они мне все что-то говорят. Потом меня стали трясти, я открыл глаза и понял, что это не сон. Больше всего я удивился, что это были пожарники. А еще с ними был Фимочка. Вернее, это он со мной общался.

Фимочка был старинный папин друг. Он был вылитый Дэнни Де Вито, только еще «красивее». И он был тоже в пожарной каске, которая доходила ему почти до носа. Поэтому я его не сразу узнал, а когда узнал, то подумал, что сплю. Он орал на меня благим матом, при этом не выговаривал практически ни одну букву: «Что ты натворил? Как ты мог?!» Я был шокирован и не понимал, что происходит. Но Фима кричал: «Папа, папа!» – и показывал пальцем на входную дверь. Я ничего не понимал: «Что, что?» А он орал: «Иди, иди!» Ну я прямо в трусах и побежал к двери.

Сначала испугался, что с папой что-то случилось. И никак не мог понять, что же я мог сделать. За дверью было человек двадцать. Врачи в белых халатах, полиция, какие-то папины друзья, соседи, лифтерша. Увидев меня, папа замахнулся, но не смог меня ударить. Он почти потерял сознание и упал на колени, его поймали друзья. Я никогда не видел раньше, чтобы отец плакал. Я еще потом долго всех спрашивал, что же произошло. Но тогда я больше удивился странной реакции отца.

А произошло вот что. У отца возникли срочные дела в Москве, и он приехал на один день раньше. Мобильных телефонов тогда не было, и он не смог меня предупредить или не захотел. Может, думал проверить заодно. А я закрыл дверь на щеколду изнутри. Ну и конечно, не слышал звонок. И телефон – стационарный – тоже не слышал, потому что у меня была самая дальняя комната. И я был в берушах. Папа звонил в дверь много раз, пока не придумал, что со мной что-то случилось. Он до этого на меня ругался и думал, что я из-за своего характера способен покончить жизнь самоубийством.

Мы жили на 10-м этаже, и в моей комнате был балкон. Когда приехали пожарники, Фима вызвался полезть первым. Папу от шока обездвижило. Сейчас бы наверняка ни за что не решились, риск-то какой – лезть по лестнице на 10-й этаж! А тогда Фима вперед всех забрался

на балкон, выбил стекло в моей двери и зашел ко мне в комнату, а за ним еще десять пожарников...

Только после того, как у меня появились собственные дети, я понял чувства отца к себе в то время.

Наталья Рапопорт-Кобзон дочь

Я всегда была очень любима отцом и, конечно же, его просто боготворила! Понимаю, что нужно рассказать о нем, но пока мне очень тяжело говорить о папе в прошедшем времени и даже трудно вспоминать самые лучшие дни моей жизни, проведенные с ним...

Большое счастье, что я могу сегодня слушать его проникновенное исполнение «Я тебя люблю, доченька» и с ностальгией смотреть наши фотографии и видеозаписи. В такие моменты

больно осознавать, что его уже нет, поэтому я всегда стараюсь думать, что он просто уехал на очередные гастроли...

Очень скучаю по тому времени, когда мы были вместе. Я любила просто посидеть с ним рядом, пока он разбирал свои бумаги в кабинете или собирался на работу. Он занимался своими делами, а я с блаженством ощущала его присутствие. Иногда он на мгновение отвлекался от своих документов и звонков, возмущался чем-то или, наоборот, смешил нас с мамой анекдотами или песенками. Ему нравилось, чтобы все домочадцы были в поле его зрения. Мама вечно что-то разбирала в шкафах, переставляла всякие штучки с места на место, а я ходила с чашкой чая по их покоем и любовалась всеми маленькими предметами, которыми мама очень искусно украшала интерьер нашего дома.

Отец любил нам высказать все, что накопилось на душе, например, на кого обижен, чем разочарован или, наоборот – от чего был под хорошим впечатлением. Он был экстраверт и уж точно в себе ничего не держал. Наоборот, он был как ребенок непосредственный – нехитрый и очень искренний. К великому счастью, я не помню ни одного случая в моей жизни, за который могла бы затаить на отца обиду. Зато он все время обижался по пустякам, особенно ругал меня, если я опаздываю, а опаздывала я хронически.

Подростковый возраст был большим испытанием для моих родителей. К моему стыду, я часто с мамой «грызлась», а он за это обрушивался на меня и возмущался моим плохим характером. Конечно, я язва и отвечала так отцу: «Ничего не могу поделать, гены твои, папа!» В семье есть мнение, что у папы «чижолый» характер, как говорил один наш общий друг, и еще – что я «вся в отца». Вот и я любила использовать это оправдание – что же, разве я виновата, что унаследовала кобзоновский характер?

Но, несмотря на мой крутой нрав, отец был для меня абсолютным авторитетом. Я могла немного побурчать, но в итоге всегда поступала так, как он хотел. Вообще, мы с ним заводились с пол-оборота, но и так же быстро забывали все обиды. Зла мы с отцом не держали ни на кого. А если оно скапливалось, то сразу его выплескивали в атмосферу – и нам тут же становилось легко! А всех вокруг потом долго колбасило от нашей взрывной энергии. Мама всегда жаловалась, что мы с отцом – настоящие энергетические вампиры, а папа называл меня «кишкотатальницей». Еще его дико забавляло, как я приходила на ревизию в мамин гардероб и отбирала у нее наряды. Папа на это говорил: «Неля, опять твоя „рэкетирша“ пришла», и они оба смеялись.

Меня часто спрашивают, не хотелось ли мне пойти по стопам отца – на сцену? А мне от одной только этой мысли всегда было не по себе. Дело в том, что я тоже, как и отец, должна чувствовать – то, что я делаю, должно получаться безупречным. Мысль о том, что я могу хоть одну ноту соврать, бросает меня в дрожь! Ведь я таким образом подвела бы тот высочайший уровень профессионализма, который так достойно пронес мой отец через всю свою жизнь.

Зато я с радостью проявляю совсем другие качества, которые унаследовала и от отца, и от мамы. Я умею так же преданно дружить и очень легко вхожу в контакт с людьми. Отец всегда умел собрать вокруг себя большой и интересный круг общения, и мне тоже очень комфортно в шумной тусовке или в большом коллективе. Эх, жаль, что я не успела вступить в комсомол, наверное, дослужилась бы до самых почетных должностей. Шутка!

А если серьезно, то отец был стержнем, на котором держалась и наша семья, и все окружение. Отец не просто решал за нас все проблемы, а буквально руководил всеми микропроцессами. Более того, когда он ушел, в полной растерянности остались не только мы, его семья, но и его друзья, коллеги. С ним было всем всегда спокойно. Как говорится, все мы жили не тужили. А если возникали какие-либо вопросы, то тут же обращались к нашему Волшебнику, и не было такой задачи, которую он не мог решить. Ну, по крайней мере, на моей памяти таких случаев не было.

А жили мы в настоящей сказке, где и я, и моя королева-мама, и вся наша семья, и все наши друзья, и целый великий творческий цех Советского Союза, и многие отдаленные, случайные люди, которым удалось к нему обратиться, – жили как за каменной стеной.

Долгое время после его ухода мы не могли сориентироваться, как жить дальше. Ведь отец был вездесущий руководитель – нам и думать не приходилось о самостоятельных решениях. Каждый день я просыпалась от звонка по телефону... «Алло, Кузьма (так он меня называл), ты что, до сих пор спишь?!» – грозным голосом спрашивал меня отец. Ощущение было такое, что как будто на меня, спящую, выливали ведро воды – я буквально подпрыгивала от его звонков, а дальше все было почти как в армии... Все были при исполнении своих обязанностей, и я в том числе...

Все вокруг отца выстраивались по стойке смирно и были готовы получить свою дозу критики и нравоучений. Очень странно, но, несмотря на его порой очень даже резкие высказывания, мы не обижались. Или обижались совсем ненадолго. Мы знали, что он, во-первых, очень нас любит, а во-вторых, он был еще более строг и суров по отношению к самому себе. Я бы даже сказала, что он был беспощаден к самому себе. Даже когда он тяжело болел, то через боль вырывался из больницы и буквально доползал до сцены, чтобы подарить свой волшебный голос людям, или уезжал на встречи, чтобы исполнить какое-то нужное, по его мнению, дело...

Порой возвращаясь мыслями в свою счастливую сказку, я вспоминаю свое детство. Мне была отведена жизнь избалованной принцесски. Я видела, что мой отец был всем нужен, а мне тогда еще было непонятно – что же они все пристали к нему?! Не успевал он открыть глаза, а у нас в гостиной уже сидела целая очередь людей, которым что-то было нужно. Стоило папе выйти на кухню и начать завтракать, как к нему выстраивалась очередь.

Я тогда еще не понимала, почему все они лезут к нам на кухню и даже позавтракать спокойно не дают?! Вредничала и висела на папиной шее, беспардонно перебивала взрослых, не понимая, что многие из них были великие деятели искусства, академики, всемирно известные и выдающиеся личности, гении, наконец.

Папа мне позволял множество шалостей, наверное потому, что у него было очень мало времени, чтобы выполнять свои отцовские обязанности: отвозить меня в школу, ходить на родительские собрания, проверять дневник, делать со мной уроки и тому подобное. Зато если ему удавалось вырвать время из своего занятого графика, то он выполнял свой долг, как все рядовые папы. Например, в школе, при подготовке к 1 сентября, он, закатав рукава, принимался мыть окна в классе. Меня, конечно, переполняли радость и гордость, что у меня тоже папа есть и пришел наконец-то в школу. Но понять никак не могла, почему весь женский состав сотрудников школы шепчется, глядя на отца, охает и ахает от того, как он моет окна.

А один раз, во время летних каникул, когда мы отдыхали в Ялте, он проснулся не в духе. Отругал нас с братом за то, что мы лодыри и совсем не делаем уроки, и маме заодно досталось. Он посадил нас всех троих писать диктант и очень долго потом нас позорил, рассказывая всем вокруг, что каждый из нас в слове «яичница» сделал как минимум по одной ошибке, да еще и все разные.

Кстати, об отдыхе. Отец понимал, что все хотят на курорт, а он не умел расслабляться. Но ради своих близких все-таки вытаскивал нас и весь свой ансамбль «Время» с женами и детьми в Крым или в Сочи на так называемый «отдых», а на самом деле – на гастроли. Наш коллектив был почти как цыганский табор! Любимая Неля, мы с братом, самая любимая теща Полина Моисеевна, администратор, звукорежиссер, музыканты, их жены и дети. Куча багажа, концертных костюмов, коробов с инструментами и звуковым оборудованием. Шум и гам сопровождали нас всегда и везде.

Самый звездный курорт был в Ялте. Ох, какие же там были веселые и дружные компании! Одновременно с нами гастролировали известные артисты эстрады, знаменитые классические оркестры и музыканты, звезды кино и театра, спорта и балета. Все отлично друг с дру-

гом общались. Отец был одним из «главарей». Он всем командовал – когда и где сбор и какая будет программа.

Утром после завтрака все семьи выходили на пляж. Борис Брунов, Махмуд Эсамбаев, Владимир Спиваков, Лев Лещенко, Владимир Винокур, Янош Кош, Герой Советского Союза Руслан Аушев особенно хорошо запомнились мне с тех давних лет – восьмидесятых.

Так называемый «отдых» проходил у папы до обеда. Пока мы, дети гастролеров, резвились на солнышке, наши папки резались в карты, играли в нарды, рассказывали друг другу байки и анекдоты. Стоял вечный хохот. Тем временем жены собирались на зарядки и прогулки, на заплывы, ну а главное – обсудить все остросюжетные романы и интриги.

После обеда мужчины уходили на репетиции, а мы шли в номер на «тихий час». Пока наши мамы дружно пили кофе, думая, что дети спят или прилежно читают полезную литературу, мы занимались полным безобразием. Перелезали друг к другу на балконы и скидывали сверху так называемые водяные бомбочки – воздушные шарики, наполненные водой. Нам казалось, что это так забавно! Слава богу, что никто из нас не убился, перелезая через балконы, и никому из прохожих внизу мы не попали на голову своими «снарядами». Хотя когда шар с водой разрывался у людей прямо перед ногами, то они чуть ли не падали в обморок от страха, а потом, задрав головы, бранились на чем свет стоит. А мы в это время, конечно же, отходили от края балкона, чтобы прохожие не вычислили нас по этажу и номеру. Вот такой у нас был «тихий час», а скорее – «тихий ужас».

Вечерами все дамы наводили марафет и шли на концерты, в луна-парки или в кино, пока мужья давали концерты. А после концертов, когда уже все было закрыто, компашки собирались в номерах. Мамы нарезали бутерброды, помидоры и огурцы, арбузы и дыни, намывали фрукты и ягоды. Пока взрослые баловались алкоголем и сигаретками, мы, дети, объедались вкусностями и засыпали везде, где только голову могли приклонить. Но наутро каким-то чудом просыпались в своих номерах. Правда, смутно в памяти всплывало, как мы под утро брели по длинным коридорам в свои гнездышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.